

Учитель Ли промолчал.

Старик Ань продолжил:

— А ты задумывался? Возможно, для людей этого мира их реальность и есть норма, а наш так называемый трехмерный мир — нечто невообразимое. Как это здесь нет аристократических семей? Как это на планете до сих пор есть места, где запрещены однополые браки? Что такое нефть и уголь? Разве все не пользуются новыми источниками энергии? То, что, по-твоему, должно было появиться только в двадцать первом веке, здесь существовало уже в девяностых. Этот мир живой.

То, что кажется тебе нелогичным, здесь — обычный порядок вещей. Более того, они сами сочтут твои представления нелепыми. Ты считаешь других неигровыми персонажами, но кто знает, может, в их глазах NPC — это ты.

Мировоззрение учителя Ли после того, как его жестоко разрушили, собрали заново, снова разрушили и снова собрали, наконец-то загрузилось и ожило. У него возникла дерзкая идея — как можно скорее выполнить задание и свалить из этого проклятого мира.

Лу Цзяньян: ...

Старик Ань: ...Да твою ж мать, я что, только что распинался в пустоту?

Это и есть тот вывод, к которому учитель Ли пришел после столь долгих раздумий? Даже если мир настоящий, это не имеет значения, главное — чтобы самому было хорошо?

Да, именно так учитель Ли и думал. Он даже втайне винил старика Аня: зачем было так жестоко рушить его иллюзии и заставлять чувствовать вину?

Старик Ань был в полном недоумении. В конце концов, он, видимо, махнул на него рукой, и его тон стал безразличным:

— Ну да, ты ведь такой и есть. С того момента, как ты решил использовать доктора Чэня, который был таким же исполнителем, как и ты, я должен был это понять.

— А у меня нет выбора, мне нужно выполнить задание и вернуться в свой мир. Доктор Чэнь — мой конкурент, понимаешь? — учитель Ли был поглощен собственным миром. — У меня там семья и любимый человек, которые меня ждут. Если ради этого мне приходится кому-то навредить, то уж извините, я эгоист. К тому же, кому я навредил? Мне просто нужно, чтобы Лу Цзяньян в меня влюбился!

Лу Цзяньян мысленно ответил: мне.

Ты навредил мне. Тебе нужно, чтобы я влюбился в тебя, но задумывался ли ты, что будет со мной, когда ты умрешь после того, как я полюблю тебя? Думал ли ты о том, что у настоящего

учителя Ли, в чье тело ты вселился, тоже есть своя жизнь? У него тоже есть семья и любимые! Ты не только превратил жизнь учителя Ли в хаос, но и собрался пожертвовать собой, то есть жизнью учителя Ли. Ты спрашивал его согласия? Ты спрашивал согласия его семьи? Ты совершаешь убийство, ты хоть понимаешь это?!

Старик Ань попал в самую точку:

— В твоём задании четко прописано, что ты должен соблазнить Лу Цзяньняня? С каких это пор Система стала работать сутенером?

Учитель Ли промолчал. Очевидно, задание не требовало от него жертвовать собой или соблазнять Лу Цзяньняня, но он наотрез отказывался говорить, в чем оно заключается на самом деле. Он лишь перевел тему:

— А ты? Раз уж тебе нет дела до Лу Цзяньняня, почему ты постоянно за него заступаешься? Ты ведь всегда рядом с ним.

— Это мое дело.

Учитель Ли ответил:

— В таком случае, мой ответ: это тоже мое дело, не лезь не в свое. Спасибо, что напомнил про убийцу, так что я могу сказать тебе: после похищения я перепису свою судьбу, став Ли Сяном, сыном учителя Ли, и снова сблизюсь с Лу Цзяньнянем в нормальной временной линии, подтолкнув его к мысли, что я — это я. Просто мне повезло вернуться к жизни в новой роли.

Лу Цзяньнянь: Ты возомнил себя героем реинкарнации?

Старик Ань озвучил мысли Лу Цзяньняня:

— Ты думаешь, ты в кино про перерождение снимаешься? Откуда эта дурацкая идея? Мало того, что ты угробил учителя Ли, так ты еще решил приплести сюда его сына?!

— Не твое дело, откуда у меня идеи, главное — они работают, — учитель Ли по-прежнему был полон сомнительной уверенности.

Лу Цзяньнянь усмехнулся. Его терпение лопнуло. Ну что ж, прошу прощения, придется тебя разочаровать: у тебя ничего не выйдет.

После того как старик Ань ушел, Лу Цзяньнянь сказал Яо Сяохуаню:

— Я согласен.

Яо Сяохуань: ??? Согласен?

Конечно, согласен на сотрудничество!

После того как старик Ань и учитель Ли, разругавшись, разошлись, Лу Цзяньян наконец встретился с психологом Яо Ухуаня. Увы, поговорить им толком не удалось: Лу Цзяньян без лишних слов передал коллеге и партнеру этой женщины — доктору Ли.

То есть учителю Ли.

Все это было заранее подстроено, и Лу Цзяньян смирился.

Мать Лу, казалось, была не против. Она повела Лу Цзяньяна к соседнему кабинету (Яо Ухуань остался беседовать с доктором Анной) и постучала в дверь. Она вела себя так, будто никогда прежде не видела учителя Ли, обмениваясь с ним вежливыми любезностями. Учитель Ли тоже оказался мастером актерской игры, и их дуэт выглядел безупречно.

Лу Цзяньян молча наблюдал со стороны, наконец-то начав понимать способности этого учителя Ли: Переписывание судьбы.

Это было похоже на способность доктора Чэня — Обращение времени вспять. У них были пересекающиеся навыки, но были и свои особенности. Если доктор Чэнь мог реально отмотать время назад, но на очень короткий срок — максимум на два с половиной — три месяца, то учитель Ли скорее менял прошлое или личность человека. Он не мог вернуться в буквальном смысле, он лишь слегка корректировал отдельные фрагменты, но общая канва истории оставалась прежней.

То, что Лу Цзяньян мог сейчас проживать столь реальное прошлое, было результатом совместных усилий доктора Чэня и учителя Ли.

Тогда учитель Ли, скрываясь в толпе на вечеринке, воспользовался тем, что способность доктора Чэня вышла из-под контроля, и каким-то образом — именно это и видел Яо Дахуань — ввел что-то в тело доктора Чэня, создав иллюзию возвращения в прошлое.

Это объясняло и еще кое-что: почему соблазны, на которые доктор Чэнь потратил кучу очков, не сработали на Лу Цзяньяне. Вероятно, это тоже дело рук учителя Ли, который прятался в тени. К самому Лу Цзяньяну это не имело отношения, что косвенно подтверждали слова старика Аня.

Это была неплохая стратегия, размышлял Лу Цзяньян. Если в будущем появятся еще двое исполнителей, он сможет столкнуть их лбами и убить двух зайцев одним выстрелом.

Можно даже попробовать создать видимость присутствия еще одного исполнителя, чтобы

отвлекать внимание настоящих, и, пока они заняты, нанести решающий удар!

После того как учитель Ли продемонстрировал свою эгоистичную холодность, Лу Цзяньяню стало не по себе. Если бы он действительно был NPC, то его уровень «чернения» наверняка достиг бы пика. Впервые Лу Цзяньян ощутил желание убить исполнителя. Не так, как это делал убийца, а отправить их в следующий мир, чтобы помочь настоящему учителю Ли вернуться.

Конечно, это нужно было делать постепенно, ведь шансы на благополучное возвращение оригинала были невелики.

А пока Лу Цзяньян одарил учителя Ли улыбкой ангелочка, которой научился у Яо Сяохуаня. Она была такой яркой и невинной, словно у ребенка. Положив руки на колени и болтая ногами, он послушно «подыгрывал» учителю Ли.

Язык — это наука. Если Лу Цзяньян захочет, он сможет подтолкнуть учителя Ли и его Систему к тому, чтобы те выболтали информацию, которая ему нужна.

Это удалось без труда. Учитель Ли был исполнителем, который слишком полагался на свои способности и Систему, был самонадеянным и недалеким, искренне веря, что под действием его навыка проблем не возникнет. А поскольку у него к тому же возник конфликт с Системой, это было только на руку Лу Цзяньяню.

Когда беседа закончилась, оба остались довольны: учитель Ли решил, что нашел верный подход к Лу Цзяньяню, а Лу Цзяньян получил массу ценных сведений.

Например, о том, чего именно боится мать Лу.

Узнав о заблуждении матери, Лу Цзяньян не знал, смеяться или плакать. Он чувствовал смесь беспомощности и теплоты. Он всегда знал, что родители его любят, но из-за неловких моментов в отношениях с младшим братом у него иногда возникали обиды. Он не мог не задаваться вопросом: почему именно он должен был уступать и уезжать в город S? Почему не брата отправили учиться за границу? Неужели родители, хоть и любят его, все же больше привязаны к младшему? Никто не может быть абсолютно беспристрастным, когда детей трое, всегда найдется любимчик.

Только благодаря этому опыту возвращения в детство Лу Цзяньян понял мотивы родителей и перестал смотреть на все через призму подозрений.

В глазах родителей, по крайней мере, в глазах отца и матери Лу, не было такого понятия, как большая любовь к одному ребенку, была лишь забота о том, кому она нужнее. Родителям свойственно надеяться, что все дети будут в порядке, и если они больше внимания уделяют кому-то одному, это не значит, что они его больше любят — просто считают его менее способным.

Из трех детей первыми опекают самых слабых. А если между братьями возникают проблемы, старший кажется более рассудительным и зрелым, поэтому он может справиться сам...

В общем, логика проста: кто слабее, тот и прав.

Конечно, это неправильно, но родители не могут с этим совладать. А Лу Цзяньян, от которого постоянно требовали уступок, не мог быть этим доволен.

И только когда Лу Цзяньян сам стал «проблемным ребенком» и его начали «опекать», он понял: это не предвзятость, это просто забота о слабом.

Честно говоря, Лу Цзяньян хотел бы, чтобы родители всегда безоговорочно вставали на его сторону и ругали брата, но теперь, когда с ним обращались как с хрупким фарфором (из разговоров он узнал, что родители уже подумывают отправить младшего брата к бабушке с дедушкой на пару лет, если состояние Лу Цзяньяна не улучшится), ему стало не по себе.

Как бы сказать... он чувствовал, что его недооценивают.

Отец и мать Лу ошибались. Лу Цзяньян был более независимым и привык сам принимать решения. Ничего не поделаешь, это заслуга исполнителей. Стать прежним было уже невозможно, и в последнее время от пребывания в комнате, полной игрушек из детства, Лу Цзяньян даже не мог нормально спать.

Решив, как развеять заблуждения родителей, Лу Цзяньян выбрал прямой путь, как у его сестры.

— Я очень люблю брата, меня никто не заставлял, я не занимался самоистязанием. В тот день в детском саду я просто был сонный и думал, что еще сплю. Я видел по телевизору, что если ущипнуть себя и почувствовать боль, можно понять, спишь ты или нет.

Все нелепые недоразумения происходят от нежелания нормально разговаривать. Лу Цзяньян не собирался допускать подобного абсурда в своей жизни.

Когда он это сказал, мать Лу как раз пристегивала его ремнем безопасности. Услышав слова сына, она замерла. Но многолетний опыт в бизнесе помог ей быстро взять себя в руки. Если бы не роли «богатой наследницы» и «светской львицы», она могла бы сделать отличную карьеру в кино.

— Мама знает, что ты любишь брата, но нет ничего страшного в том, чтобы иногда считать его надоедливым. Мама тоже часто думает, что он шумный, как маленький чертенок. Мама больше всего любит Яньяна, ты единственный и неповторимый.

Было очевидно, что мать Лу не поверила ему, решив, что это результат бесед с психологом.

Хоть прогресс и был, это явно не были искренние слова гордого Лу Цзяньяня.

Лу Цзяньяню пришлось продолжить, используя по-детски простые фразы:

— Хоть брат иногда и вредничает, я все равно его люблю, ведь он мой брат.

— Что поделать, придется простить его, как папа, — подумал он.

Яо Сяохуань, сидевший в соседнем детском кресле, был недоволен: как Яньянь может любить кого-то еще?! Он же сказал, что больше всего любит меня!

Ну и ну, как же бесит!

Но даже если Яньянь такой ветреный, он все равно будет его любить. Ничего не поделать, это же Яньянь.

Лу Цзяньянь, не подозревая, что Яо Сяохуань в своей голове уже разыграл драму об измене любимого человека, обнял мать за шею, вдохнул знакомый легкий аромат и поцеловал ее в еще молодую щеку.

Яо Сяохуань: !!! Я тебя простил, а ты стал еще наглее?!

Лу Цзяньянь уже много лет не мог позволить себе так свободно проявлять близость к кому-либо, и это тепло вызвало у него ностальгию:

— Я больше всего люблю маму, больше всего на свете. Ну, и папу люблю, и сестру, и брата.

Пристегивая ремень, мать Лу дрожала. Она снова и снова переспрашивала:

— Ты правда не против, что в семье появился брат?

Лу Цзяньянь покачал головой, продолжая притворяться невинным ребенком:

— Нет, когда он вырастет, мы будем играть вместе.

Хотя Лу Цзяньцзянь с синдромом восьмиклассника и был тем еще врединой, он был «забавным». Брат и сестра обожали его... как игрушку, единственную в своем роде.

— Ты правду говоришь? — мать Лу все еще беспокоилась, ее голос дрожал. — Яньянь, знай, мама тебя любит. Что бы ты ни сказал, мама не перестанет тебя любить и не будет на тебя злиться.

— Конечно, — Лу Цзяньянь тяжело кивнул. — Я люблю своих брата и сестру.

Любил их от всего сердца.

Сестра Лу всегда любила брать с собой обоих братьев в любые приключения, которые они могли придумать. Она была и генералом, командующим ими, и рыцарем, защищающим их, — казалось, она всегда была несокрушима.

Младший брат был хвостиком: упрямый, амбициозный, плаксивый, но не позволял называть себя плаксой. Все любили его дразнить, потому что это приносило больше всего удовольствия — даже когда он злился, он выглядел очень мило.

— Я люблю тебя, мама. Даже если я подсознательно сопротивляюсь прикосновениям, даже если я уже не могу быть нормальным человеком, я все равно люблю тебя.

Ночью, как и ожидалось, пришел Яо Дахуань. При свете луны первым вопросом этого властного карапуза был:

— Почему ты его не поцеловал?

Лу Цзяньян молчал целых пять секунд, прежде чем обрел дар речи:

— Кого?

— Того меня, дневного! — Яо Ухуань уже привычно притворялся, что не знает о том, что они влияют друг на друга. Он уверенно свалил всю вину на Яо Сяохуаня, заявив, что не понимает, почему его младшая версия так любит Лу Цзяньяня, ведь он сам считает их просто подходящими партнерами.

Лу Цзяньян посмотрел на него странно, его голос звучал медленно и неуверенно:

— Ты... очень хочешь, чтобы я тебя поцеловал?

— Нет! — Яо Дахуань упрямылся.

— Ты хочешь, чтобы я тебя поцеловал, — когда Лу Цзяньян понял скрытую особенность Яо Ухуаня, он научился понимать его слова наоборот. — Можно полюбопытствовать почему? У тебя кожный голод?

Лу Цзяньян даже не думал о том, что Яо Ухуань может испытывать к нему чувства.

На самом деле, это действительно не имело отношения к любви.

— Это вынужденная мера, — лицо Яо Ухуаня было еще мрачнее, чем у Лу Цзяньняня, в его необычных глазах читался гнев, направленный исключительно на самого себя в детстве. — Если ты его не удовлетворишь, он будет постоянно мне докучать.

Неудовлетворенность Яо Сяохуаня передавалась Яо Дахуаню, причем в двойном размере, заставляя его постоянно чего-то жаждать, чувствовать нехватку чего-то важного. Как путник в пустыне жаждет воды. Не он сам хотел поцелуев Лу Цзяньняня, а он нуждался в них.

«Как он может не любить его больше всех? Как он может его не целовать? Я терпел столько дней!» — ворчал Яо Сяохуань.

Яо Ухуань, опережая Лу Цзяньняня, добавил:

— Не целуй меня сейчас, поцелуй его днем! Считаю, что я тебе обязан, просто сделай это ради него.

Яо Ухуань был на грани безумия из-за своего детского «я» и не мог злиться, потому что понимал, как Малкавиан влияет на психику, лишая контроля.

Лу Цзяньнянь не смог сдержать улыбку. Хотя он изо всех сил старался сохранить невозмутимое лицо, он все же согласился поцеловать Яо Сяохуаня.

Лу Цзяньнянь не любил прикосновений, но исключения бывали. Например, сегодня он поцеловал мать, чтобы успокоить ее, а вернувшись домой, чмокнул в лоб спящего брата.

Яо Сяохуань наблюдал за всем этим, и это, вероятно, послужило спусковым крючком.

Затем два стратегических партнера наконец начали обсуждать детали сотрудничества: как вернуться в нормальную временную линию и ответ Лу Цзяньняня на вопрос о способностях исполнителей — нет.

Лу Цзяньнянь долго размышлял. В бессонные ночи он тоже мечтал о странных силах, но в итоге решил отказаться. Система, подставившая учителя Ли, дала ему понять: бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и процесс получения способностей явно не будет приятным. Лу Цзяньнянь боялся, что не сможет заплатить эту цену — он ведь обычный человек.

— Ты уже давно не обычный, разве не чувствуешь? — Яо Ухуань усмехнулся его наивности.

Лу Цзяньнянь вздрогнул, но внешне остался спокойным. Похоже, Яо Ухуань знал гораздо больше, чем казалось. Он даже заподозрил, что Яо Ухуань владеет большими способностями, чем признает.

— Что ты имеешь в виду?

— Процесс получения способностей действительно неприятен. Постоянный кашель — лишь один из симптомов. Наши тела отвергают чужеродную силу, и только после долгих мучений, когда тело адаптируется, «болезнь» отступает. В моих планах после выздоровления было сотрудничество с тобой, потому что... по моим данным, в детстве у тебя был похожий период «болезни».

Из-за специфики своего заболевания Яо Ухуань скрыл множество физических последствий получения способностей. Иногда даже он сам не мог понять, была ли его слабость следствием болезни или ценой за дар.

— Это может быть просто совпадением, — по крайней мере, Лу Цзяньян не знал ни о каких своих способностях.

— Мы сейчас не вернулись в прошлое, но находимся в процессе переписывания судьбы, и все должно вернуться в исходное состояние. Ты понимаешь, что я имею в виду?

<http://bllate.org/book/21642/2233356>